

А. В. Беляков

ИРИ РАН, Москва, Россия. belafeb@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV – НАЧАЛА XVII в. НА ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ С ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НЕРУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

С момента возникновения Московское государство являлось многонациональным образованием, в котором проживали люди, исповедовавшие различные религии. Но в нем не фиксируется повышенная напряженность, вызванная этническими или же религиозными различиями. Это достигалось путем постепенной интеграции системы управления на новоприсоединенных территориях в общегосударственную с учетом местных особенностей. В статье рассматриваются наиболее типичные элементы интеграционной политики.

Ключевые слова: Московское государство XV–XVII вв., система управления, интеграция, жалованные грамоты, Мещера, татары, мордва, народы Поволжья, Пермь, Зауралье, Северный Кавказ

С XV в. Великое княжество Московское (затем царство) планомерно увеличивало свою территорию за счет продвижения на восток, на земли, заселенные народами, исповедовавшими ислам или же язычество. Источников, описывающих эти процессы, сохранилось немного. Но и они показывают, что вновь присоединенные народы по преимуществу довольно быстро и органично вписывались в структуру управления Московского государства. Каким образом это достигалось? Исследователи, как правило, рассматривали отдельные территории, и здесь имеется обширная историография. Но попыток обобщить опыт государственного строительства Русского государства за этот период не проводилось. Подобное приводит к тому, что вне поля нашего зрения остается целый ряд типичных явлений, позволяющих представить происходившие события более детально. В первую очередь это становится возможным при изучении конкретных территорий с учетом привлечения знаний о подобных явлениях в других регионах. Ниже рассматриваются отдельные вопросы организации управления в Мещере, Вятке, Перми, Югре, Башкирии, а также на территориях Казанского, Астраханского и Сибирского царств.

Подчас информация о точном времени и обстоятельствах вхождения тех или иных земель в состав Московского княжества (царства) отсутствует. Полулегендарные свидетельства приходится дополнять более поздними данными. В результате создаются только общие контуры протекавших процессов. В настоящее время наиболее исследованным в этом плане следует признать регион Мещеры. Хотя и в его изучении остается много вопросов, на которые можно ответить, только привлекая свидетельства по другим территориям.

Мещера охватывала обширные пространства от г. Касимова до р. Суры. Изначально данные земли были заселены мордвой. Славянское население фиксируется в регионе с XII в. Оно расселялось небольшими анклавами, и его появление было связано с экспансией Муромо-Рязанского княжества. Со временем здесь появились и татары. Обстоятельства проникновения в регион тюркских народов остаются дискуссионными. Через некоторое время мордва на западе края стала принимать православие и постепенно сливаться с русским населением. На востоке региона эти процессы активизировались позднее, на рубеже XVI–XVII вв.

История вхождения данных земель в состав Великого княжества Московского хорошо прослеживается на структуре Мещерского (Шацкого, Большого Шацкого) уезда. Он состоял из трех станов: Борисоглебского, Подлесного и Замокошского. В свою очередь, Борисоглебский

стан состоял из Касимовского и Елатомского уездов. Эти земли были присоединены к Москве еще в первой половине XIV в. Позднее, в середине XV в., на данной территории будет организовано так называемое Касимовское «царство». Вся территорию Подлесного стана занимал Шацкий (Малый Шацкий) уезд. Это были бывшие земли Рязанского княжества, которые по разделу 1496 г. между братьями Иваном и Федором Третним Васильевичами достались последнему и в 1503 г. были завещаны им своему дяде по матери великому князю Ивану III московскому. Замокошский стан состоял из Кадомского и Темниковского уездов [Беляков, 2019а].

Рассмотрим подробнее ситуацию в последнем. Здесь тюркское и финно-угорское население было преобладающим наиболее долго. Татары поселились на землях, где исконно обитала мордва. Но следов явных конфликтов между пришлым и коренным населением мы не наблюдаем. Здесь следует учитывать тот факт, что местное финно-угорское население рано потеряло самостоятельность. Начиная с ордынского времени мордвой управляли те или иные чиновники, назначаемые ханом. Возможно, случилось так, что после присоединения к Москве сразу или почти сразу мордва перешла от подчинения одним татарам к подчинению другим. Возник своеобразный симбиоз. В регионе известны так называемые мордовские беляки. Первоначально это были внутриэтнические группы мордвы, возникшие в период разложения родовой общины. Позднее они превратились в основную податную единицу в крае. После присоединения мордовских земель к Московскому государству великий князь московский жаловал отдельных татарских мирз «княжением» над мордвой того или иного беляка. Это предполагало суд над мордвой и уплату ею фиксированного ясака, за что мирзы несли военную службу. Нечто подобное в управлении мордовскими землями, похоже, было и ранее. По материалам XVI в. данные пожалования являлись пожизненными и передавались по наследству старшему в роду. Позднее начинает утверждаться принцип наследования от отца к старшему сыну. Такие мирзы становились князьями. Князь в данном случае должность, близкая должности волостеля. В соседних Муромских землях (Кирдяновская мордва) известны русские волостели, которые в конце XV в. управляли мордвой по одному-два года [Пашкова, с. 177–178]. Татарские князья становились аналогом пожизненных и наследственных волостелей. Но мордва сохраняла свое внутреннее самоуправление и выходила на войну собственными подразделениями. Наряду с иными народами Поволжья (чуваши, марийцы) она вплоть до XVII в. включительно в случае необходимости выставляла одного конного воина с трех дворов¹. Все же определенные трения между мордвой и ее татарскими князьями имели место. Начиная с конца 1530-х гг. право суда над мордвой «оприч душегубства и розбоя с поличным» по ее челобитью постепенно стало передаваться великокняжеским дворецким (наместникам)². Сбор ясака сохраняется за князьями до начала XVII в. Но уже в 1570-х гг. ясак собирали не сами князья. Мордовские сотники (выборные лица из состава самой мордвы) собирали ясак со своих соплеменников и передавали его мордовскому приказчику (назначаемое из Москвы лицо, ведавшее мордовским населением), и только последний выдавал положенные суммы конечным его получателям³.

Этим своеобразие управления регионом не ограничивалось. Во многом оно зиждилось на особенностях вхождения этих земель в состав Московского княжества. В настоящее время оно выглядит так. На рубеже XIV–XV вв. некий родоплеменной лидер князь Бехан поселился в районе г. Темникова и поступил на службу московским князьям. С этого момента

---

¹ Книги разрядная, по официальным оных спискам изданныя. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 189, 194, 199, 200 и др.

² Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Вып. 2. Ч. 15. С. 14–15.

³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 196 (Пензенское дворянское депутатское собрание). Оп. 2. Д. 3009. Л. 4–4 об.

появилось образование, получившее в историографии название «Темниковское княжество». Свидетельства XVI–XVII вв. позволяют говорить об этом «княжестве» как о своеобразном «уделе». Более того, именно как о разновидности «удельных княжеств», которые с той или иной быстротой теряли элементы своей независимости, следует говорить и об иных образованиях (арские, югорские (конца XVI – первой половины XVII в.), пермские князья и др.).

подавляющее большинство княжеских и мирзинских родов в регионе были потомками Бехана. Первое время суверенитет русских князей в регионе был номинальным. Здесь наблюдалась ситуация двоеданства, когда местная элита считала себя подданными сразу двух сюзеренов⁴, в данном случае великого князя московского и хана Большой Орды. Это объясняет, почему приблизительно в середине XV в. потомки Бехана (Беханиды) потеряли свою власть. Во главе местной корпорации татар встали пришлые князья Кугушевы – Тенишевы – Еникеевы. По-видимому, это было связано с проживанием в 1440-х гг. по соседству в Курмыше потерявшего власть в Орде Улуг-Мухаммеда б. Хасана. Пришлые князья не были совсем уж чужды Беханидам. Генетические исследования показывают, что они имеют одну гаплогруппу (J2b), их общий предок жил еще в домонгольский период. Помимо этого, ту же гаплогруппу имеют потомки отдельных родов рядовых служилых татар (казаков). Таким образом, в Мещере поселились представители некой тюркской этнической группы с уже сформировавшейся знатью, один родовый клан [Сабитов, Акчураин]. Власть московского князя окончательно утвердилась в регионе только около 1480 г. События стояния на р. Угре оказали на это самое прямое влияние.

Можно выделить пять периодов в истории «Темниковского княжества». О первом – от переселения в Восточную Мещеру князя Бехана и до появления там князей Еникеевых – нам практически ничего неизвестно. По второму периоду, длившемуся до окончательного включения региона в состав Московского государства, у нас также мало документальных свидетельств. Отдельные моменты его истории восстанавливаются путем привлечения более поздних документов. О третьем периоде – до строительства нового г. Темникова в 1536 г. – исторических свидетельств несколько больше. В это время в регионе фиксируется конфедерация нескольких княжеских родов, относящихся либо к Беханидам, либо же к родственным князьям Еникеевым. Князья Еникеевы явно возглавляют управление края в условиях, когда власть Москвы в нем малозаметна, но все же явственна. Именно тогда произошло первое писцовое описание этих земель (1510-е гг.)⁵. Да и факт переноса в 1536 г. города на новое место по указу из Москвы следует рассматривать как зримое утверждение в крае русской власти⁶. Факт переноса города – это не просто смена его географического положения, а изменение его статуса. Теперь он становится великокняжеским. Тогда же в нем могли появиться русский воевода и постоянный военный гарнизон. Впоследствии именно «экспансия городов» с русским военным контингентом в них способствовала укреплению власти православного государя при продвижении на восток.

Четвертый период длится до 1610-х гг. Он хорошо документирован и, на первый взгляд, фиксирует расцвет «княжества» и его лидеров – князей Еникеевых. Сохраняется структура княжеской конфедерации, что отчетливо просматривается в участии мещерских татар

---

⁴ В конце XVI в., то же самое фиксируется в Сибири и Башкирии. Здесь московский царь вынужден был делить право сбора ясака на некоторых территориях с сибирским ханом Кучумом, а затем с его наследниками [Трепавлов, 2012, с. 17, 19].

⁵ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732 (Симбирская губернская ученая архивная комиссия). Оп. 3. Д. 1.

⁶ ПСРА. М., 2000. Т. 13. С. 89, 109.

в Полоцком походе 1563 г.: «Темниковские люди, Еникей князь с товарищи и с их людьми...»⁷. Еникей выступает только как первый среди равных и не может напрямую руководить военными отрядами иных князей. При прохождении через город посольств все грамоты в Темников об этом шли на имя князей Еникеевых [Моисеев, 2020б]⁸. Глава рода до начала XVII в. фиксируется в городе как бессменный «второй» воевода, возможности которого в решении местных проблем были несравненно выше, чем у официального назначенца из столицы. Это объясняется тем, что присылаемый из столицы человек за один-два года не мог разобраться во всех нюансах взаимоотношений местных жителей. На первых порах русский воевода помимо прочего играл роль пристава при татарских князьях. Подобная ситуация наблюдается и в Касимове.

Но при более детальном взгляде перед нами предстает эпоха постепенного упадка. Москва планомерно увеличивает свое влияние в Восточной Мещере. В Темникове появляются русские воеводы и с каждым годом их власть возрастает. Хотя победить неформальное главенство князей Еникеевых удастся только в первой четверти XVII в. В регионе фиксируется и прямой начальник темниковских воевод – наместник Елатомский (Мещерский), с 1570-х гг. Шацкий. Сокращаются судебные права мирз, жалуемых княжениями над мордовскими беляками. Теперь темниковские служилые татары не встречаются как самостоятельная военная единица. С определенного момента мы видим их исключительно в составе государевых полков. Темниковские князья приложили к этому собственные усилия, участвуя в захвате Казани. Регион постепенно перестал считаться пограничным. Постоянное разрастание родов приводило к измельчанию поместий при каждом разделе. Это способствовало тому, что еще в XVI в. часть темниковских служилых татар переселялась в соседние, менее освоенные уезды (в первую очередь, в Арзамасский и Алаторский). Князья и мирзы вынуждены были распустить свои военные отряды, состоящие из рядовых казаков. Московский государь в конце XVI в. наделяет их небольшими поместьями на землях из дикого поля. Рост значения пашенного земледелия шел рука об руку с увеличением численности русского крестьянства. Это приводило к появлению в крае православных священников и в конечном итоге к основанию первого в регионе монастыря – Пурдышевского Рождества Пречистой Богородицы. К мордовско-татарским межэтническим взаимоотношениям добавилась третья составляющая, православные люди (в том числе монахи и священники). Близкое их соседство подчас приводило к конфликтам, в основе которых могли быть не только экономические интересы, но и непонимание иных, отличных, культур. Начинается переход в православие отдельных представителей местной знати [Беляков, 2020а].

Пятый период длился до начала XVIII в. От следов былой независимости «княжества» остались родовые воспоминания, частично зафиксированные в начале XVIII в. монахами Свято-Успенского Саровского монастыря [Маркеллин]. Авторитет князей Еникеевых среди местного населения по-прежнему сохраняется. Эта традиция прослеживается вплоть до начала XX в. Массовые крещения начались после указа от 16 мая 1681 г., когда в низовых городах (междуречье Оки и Волги), куда входил и Темников, у служилых татар, отказавшихся принять православие, отписывали на государя их поместья с русскими крестьянами. Тогда часть мирз и казаков перешли в православие. Крестившиеся мирзы получили наследственное княжеское достоинство и были записаны в стольники по новокрещеному списку. Тем самым произошла их окончательная интеграция с верхней стратой «русских» служилых людей. Другие решили уйти на жительство в иные регионы, что в конечном итоге способствовало широкому

---

⁷ Книга Полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004. С. 40.

⁸ Та же практика фиксируется и в Касимове. Грамоты о приеме/отправлении посольств поступали на имя / от имени Чингисаида.

расселению мещерских татар по верхней и средней Волге, в Башкирии и за Уралом. Там их стали называть мишарями. В Москве были не готовы к такому развитию событий. Поэтому через год указ отменили. Однако Петр I, создавая сословие дворян, вновь связал возможность обладания православными крепостными с крещением, отказавшиеся пойти на этот шаг пополнили ряды однодворцев. Но все же Еникеевы и регион на протяжении XVII в. сохраняли отдельные элементы особого статуса. Глава рода Еникеевых продолжал выходить на полковую службу отдельно от иных татар со своим собственным отрядом. Здесь его статус сближался с положением ногайской знати и татарских царевичей на русской службе. К тому же за родом долгое время сохранялись таможенные и кабацкие доходы.

Логично предположить, что здесь отработывалась специальная политика московских властей по безболезненному включению территорий с неправославным по преимуществу населением в единую общегосударственную систему управления. Полученный опыт лег в основу инкорпораций иных территорий с изначально сходными этническими ситуациями (Поволжье, в том числе Астраханское ханство [Моисеев, 2016], Сибирь и др.). Но при этом данная модель взаимоотношений работала только в одном случае – при полном признании местным населением, в том числе и элитами, власти московского государя. Иначе начинали действовать репрессивные механизмы, силой устанавливающие новые порядки, но уже без учета местных особенностей [Акчурин; Беляков, 2020б].

Отметим, что в крае параллельно существовало несколько систем административно-территориального деления, границы которых существовали независимо друг от друга, со своими особыми органами управления. Это прослеживается на примере писцовых описаний региона. В Мещере и соседних уездах одновременно фиксируется несколько писцовых книг: 1) русских помещиков; 2) ясачной мордвы и бортников; 3) служилых татар; 4) касимовских царей игцаревичей; 5) дворцовых земель. Мордва описывалась по белякам, бортники⁹ – по станам, составлявшим административное деление малых уездов (Кадомский, Темниковский и др.), татарские и православные помещики – по большим станам (Борисоглебский, Замокошский, Подлесный). Поместья касимовских Чингисидов описывались отдельно¹⁰.

Укажем на особенности судопроизводства у неправославного населения региона. Длительное время незначительные правонарушения могли разбираться внутри общин без привлечения русских администраторов. Исключение составляли дела о татъбе и разбое с поличным. Но в какой-то момент мордва и татары стали осознавать, что воеводский суд для них становится более выгодным. Они подают челобитные об этом в Москву. В книгах Печатного приказа обнаружены следы одной из них. 19 марта 1635 г. на Алатырь, по челобитью татарина Баймамета Байкеева «во всех место», направлена указная грамота, по которой велено татар судить на Алатыре, «а по селам и деревням не судить»¹¹. Укажем еще на один факт. Русские власти не вмешивались в вопросы семьи и брака у татар и мордвы. Однако они сами могли бить челом государю по этим вопросам. И если в 1604 г. это касалось финансовых вопросов, удержание «поя» (выкупа), заплаченного за жену, которую родители отдали за другого¹², то позднее обращение на государево имя могло быть вызвано попыткой опротестовать очередную женитьбу мусульманина. Отметим и то, что в Темникове уже в самом начале XVI в. татары, в том числе исполняющие должности имамов (в русских документах они называются

⁹ Особая социальная группа, состоящая из русских собственников вотчин бортных ухажеев. Бортничество являлось для них основным видом деятельности, пашня за ними не фиксируется. Как и мордва, они время от времени призывались в действующую армию, в которой составляли особые небольшие подразделения.

¹⁰ Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2018. Вып. 6. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. С. 431–474.

¹¹ РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 23. Л. 174.

¹² РГАДА. Ф. 1167 (Темниковская приказная изба). Оп. 1. Д. 1443. Л. 44, 115; Оп. 2. Д. 1. Л. 20 об.

абязами), предпочитали оформлять долговые обязательства в соответствии с русским законодательством [Беляков, 2015]¹³. Это в большей степени гарантировало заимодавцу возвращение одолженных средств.

Таким образом, в тех случаях, когда власти были уверены в том, что их неправославные подданные полностью соблюдали взятые на себя обязанности, они длительное время сохраняли их привычные жизненные устои. Изменения происходили постепенно, в том числе и по инициативе самих иноземцев. Невмешивалось государство и в вопросы их вероисповедания. Насильственные крещения были запрещены. Некоторые церковные деятели пренебрегали этим. Тогда их одергивали из столицы [Беляков, Морохин]. В случае сопротивления московские порядки устанавливались значительно быстрее. Данное наблюдение в полной мере относится и к коренным русским землям, оказавшимся под властью Калитичей. Здесь наблюдается как «мягкий» сценарий вхождения (Рязань и Тверь), так и «жесткий» (Новгород).

Такая система организации взаимоотношений с неправославным населением, похоже, была типичной. Хотя в каждом конкретном случае обнаруживаются местные особенности. В той или иной степени она прослеживается в Астрахани, возможно, на первых порах в Казани, по крайней мере по отношению к отдельным представителям знати бывшего Казанского ханства, на Вятке (арские князья) [Исхаков] и в других регионах. Этому имеется множество косвенных свидетельств: пожалование марийцев и чувашей жалованной грамотой за золотой печатью (об этом см. ниже), включение перешедших в православие представителей местных элит в Дворовую тетрадь [Беляков, Акчурин]. Однако серия восстаний в Поволжье второй половины XVI в. заставила Москву скорректировать свои планы.

Описываемая система была гибкой и учитывала различные региональные особенности. Так, пермские князья (Вымские и Великопермские) рано приняли православие и получили прежние свои владения на положении пожизненных наследственных великокняжеских наместников [Вершинин]. Контрольные функции по отношению к ним приобрел епископ Пермский. Это хорошо прослеживается по источникам. Во-первых, резиденция епископа находилась в отдельном городке от князя-наместника. Во-вторых, на данный факт указывает присутствие человека епископа при языческом обряде шертования югорских князей 31 декабря 1484 г., да и это действие происходило возле владычного городка Усть-Выми [Плигузов, с. 149]. В-третьих, косвенным свидетельством этого является упоминание толмача, служащего у епископа¹⁴. Эти факты можно интерпретировать и как перепоручение духовному лицу дипломатических функций. В данном случае все контакты с югорскими князьями, а также, возможно, с сибирскими ханами. Пермский владыка еще в 1586 г. контролировал сбор дани с югорских князей¹⁵.

В последнее время большое внимание уделяется изучению такого явления, как «жалованное слово», обращенное от имени московского государя к коренному нерусскому населению уезда, регулярно встречающееся в наказах сибирским воеводам [Конев; Трепавлов, 2007; Акишин; Моисеев, 2014; Зуев, Игнаткин, Слугина]. А. Ю. Конев и В. А. Слугина предприняли попытку сравнительного и содержательного анализа текстов «жалованного слова». Ими были выявлены следующие блоки в составе слова:

- 1) признание факта злоупотреблений со стороны воевод и служилых людей;
- 2) обещание защиты (гарантия честного суда, обещание защиты от притеснений со стороны русских служилых людей, объявление о ясачном сборе без прибавок, указание на льготы «маломочным»);

---

¹³ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 62–62 об.

¹⁴ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 2916. С. 312.

¹⁵ СГДА. М., 1819. Ч. 2. С. 88–89.

3) гарантии защиты иноземцев (право проживать и заниматься традиционными промыслами на их землях в обмен на обязательства предотвращать измены и заговоры и обещание награды за сообщения о готовящихся изменах, гарантия суда над русскими администраторами, превышающими полномочия).

Исследователи справедливо установили, что текст «слова» восходит к более ранним царским «пожалованиям», содержащим меры поощрения и льготирования [Слугина, Конев]. Однако что это были за документы, им установить не удалось. Причина этого кроется в искусственной ограниченности исследователей исключительно сибирским материалом. С привлечением практик, существовавших в более обширном регионе, появляется возможность установить, что послужило основой для разработки содержания «слова».

В XVI – первой трети XVII в. широкое распространение в регионе Поволжья, Предуралья, Зауралья и Кавказа получили жалованные грамоты за золотой печатью. Это были документы, скрепленные позолоченными вислыми аргировулами¹⁶, на рубеже XVI–XVII вв. они превращаются в настоящие хрисовулы [Орленко, Мельник]. На данный момент известны полные тексты жалованных грамот к грузинским царям¹⁷, кабардинским¹⁸ и югорским¹⁹ князьям, а также выдержки из грамоты к сибирскому хану Кучуму²⁰, пересказ аналогичной грамоты чувашам и марийцам²¹, факт выдачи подобных документов башкирам²². Имеются основания предполагать наличие аналогичных документов, адресованных пермским, арским, темниковским князьям, в Казань и Астрахань сразу после их присоединения, а также, возможно, касимовским царям и царевичам конца XV – начала XVI в. Грамота за золотой печатью настойчиво предлагалась в конце XVI в. казахскому хану²³, а в начале XVII в. калмыкским тайшам²⁴. Просили их, похоже, окотские (ахоцкие) князья²⁵ и шамхалы²⁶. Ее смогли навязать Алтын-хану. По крайней мере, все дипломатические дары последнего в русской документации настойчиво именуется данью²⁷.

По наблюдению В. В. Трепавлова, в Сибири и Башкирии утвердилась государственная традиция, предусматривавшая легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. «Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти». С захватом Казани функция верховного сюзерена перешла к московскому царю [Трепавлов, 2018, с. 183]. На самом деле эта традиция была распространена шире. Да и хронологические рамки выдачи Москвой подобных документов следует расширить.

В этих грамотах, по-видимому, органично соединились две традиции – русская и ордынская. Похоже, каждая из сторон очередного пожалования вкладывала в них свой смысл и особо не задумывалась о том, как это интерпретировали их визави. Данная форма утверждения

¹⁶ Аргировул – в сфрагистике двусторонняя подвесная серебряная печать. Печать из золота называется хрисовул. Ни одна печать не сохранилась, но имеется их описание (Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 325).

¹⁷ РГАДА. Ф. 110 (Сношения России с Грузией). Оп. 3. 1589 г. Д. 2; 1641 г. Д. 6; 1653 г. Д. 9; 1673 г. Д. 13; 1683 г. Д. 14; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 62.

¹⁸ РГАДА. Ф. 115 (Кабардинские, черкесские и другие дела). Оп. 2. Д. 1, 2; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 2002. Т. 3. № 479. С. 397–399.

¹⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 324–325; Под стягом России. М., 1992. С. 6.

²⁰ СГГД. Ч. 2. С. 63–65.

²¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 62.

²² Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 33, 73, 79, 117, 127, 150; Башкирские исторические предания и легенды. Уфа, 2015. С. 141–143, 177–178.

²³ РГАДА. Ф. 122 (Киргиз-кайсацкие дела). Оп. 1. 1595 г. Д. 2.

²⁴ Русско-монгольские отношения 1607–1636 гг. М., 1959. № 1, 2. С. 22–23.

²⁵ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. С. 62–66.

²⁶ Там же. С. 364–365.

²⁷ Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года. М., 2014. С. 28, 64.

отношений «подданства» возникла еще в XV в. и просуществовала, как минимум, до 1620-х гг. Пик активности выдачи подобных документов приходился на середину XVI в., когда в результате завоевания Казанского и Астраханского ханств Иваном IV была нарушена складывавшаяся до этого столетиями под эгидой Золотой Орды система подтверждения владельческих прав на землю. В Москве такую систему организации взаимоотношений посчитали вполне успешной. Однако систему выдачи этих грамот нельзя рассматривать как набор неких шаблонных требований. Она была гибкой и подразумевала широкий спектр отношений – от жесткого подчинения до декларативного заявления о подданстве.

Наблюдение за югорскими грамотами позволяет определить момент, когда грамоты за золотой печатью были уже не положены. Вызолоченные аргировулы полагались тем народам и правителям, которые официально заявили о вассальных отношениях с московским государем, однако на практике контроль над ними был проблематичен. С усилением русской власти в регионе грамоты начинались скрепляться красновосковыми печатями на красном шелковом шнуре. Именно такую грамоту в 1586 г. получил ляпинский князь Лугуй²⁸. Традиция существования грузинских жалованных грамот постепенно дрейфовала в сторону дипломатического этикета.

Протокол ранних югорских посланий лаконичен. В грамоте 1525 г. самоедским (самодийским) князьям имеется упоминание об отправлении посольства в Москву с предложением вступить в подданство и платить дань великому князю; указывается на согласие Василия III взять их под свою защиту; устанавливается место, куда следует отвозить дань (Печера); объявляется свободный приезд и отъезд самоедов, пожелавших по своим нуждам приехать к государю; обещается велеть югорскому князю Кутыгею не воевать их²⁹. Тем самым это одновременно была жалованная и опасная грамота.

Грамота 1556/1557 г. югорскому (ювсейскому) князю Певгею также одновременно являлась жалованной и опасной и содержала элементы указных проезжих грамот. В ней приводится список посланных данщиков; указывается на необходимость сбора дани («со всякого человека по соболю»); упоминается обязательство московского царя по отношению к Певгею и его подданным «жаловать», «беречь» и «под своею рукою держать»; содержится требование к устюжским и вычегодским судьям данщиков с службы не сворачивать; отмечается норма свободного приезда и отъезда в Москву всех «Сорыкитцких» людей³⁰. Это явно был не первый документ, посылавшийся в «Сорскорду».

В грамоте князю Лугую 1586 г. мы видим несколько иную картину. В ней приводится полный титул московского царя, и даже более, в концовке приписано: «... и обладатель всея Сибирския земли и великия реки Оби...». После этого пересказывается челобитье князя Лугуя, просившего, чтобы государевы ратные люди не воевали его городков, и обещавшего платить дань. Далее следовало согласие Федора Ивановича, установившего фиксированный размер дани. Затем следовало требование к местным воеводам: прочитав эту грамоту «по всем нашим городом в Сибирской земле и на Оби великой», отдать князю Лугую³¹. По формальным признакам (наличие красновосковой печати) это уже совсем иной документ. Но его формуляр явно восходит к прежним жалованным грамотам за золотой печатью. К тому же Югорская земля попала к этому времени в совершенно иную ситуацию. Царские служилые люди начинают находиться здесь на постоянной основе. Князь Лугуй первым решился самолично бить челом великому государю и, похоже, получил благодаря этому определенные преференции. Из самой

---

²⁸ СГГА. Ч. 2. С. 88–89.

²⁹ Под стягом России. С. 6.

³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 324–325.

³¹ СГГА. Ч. 2. С. 88–89.

же выдачи документа устроили своеобразную политическую демонстрацию, сделав так, чтобы о ее содержании за Уралом узнали как можно шире.

Жалованная грамота царя Федора Ивановича князьям Камбулату Айдаровичу и Домануку Темрюковичу 1589 г. имеет развернутый протокол. После приведения полного царского титула говорится о присылке от всей Кабардинской земли посольства с просьбой держать их, как и ранее, под царскою рукою и о даче жалованной грамоты за золотой печатью. В ответ на это им сообщается, что их берут «в свое царское жалованье под свою царскую руку». Для защиты от недругов обещается построить город на устье Терека. В свою очередь, кабардинские князья и лучшие люди обещают, «переменясь», жить в том городе с московскими воеводами и «никому ни к которому государю не приставати». Кабардинцы брали на себя обязательства на всех «государевых непослушников» ходить с терскими и астраханскими воеводами войной и предоставлять военные отряды на войны московского государя³². В ранних текстах, точнее, их пересказе в посольских книгах упоминается и дань: «... и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людьми, человек их со сто, били челом о том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по дватцати тысяч»³³. В более поздних грамотах об этом нет упоминаний³⁴. Это прямое указание на то, что формуляр и включавшиеся в него требования могли варьироваться и видоизменяться со временем. В случае с Грузией сразу же указывается на выплату поминок³⁵. Калмыкам же предлагалось платить ясак³⁶. Такая вариативность наименования выплат требует отдельного исследования. Вряд ли эти слова рассматривались как синонимы.

Лаконичность первых грамот объясняется двумя соображениями. Во-первых, их формуляр мог еще до конца не сложиться. Во-вторых, возможно, для адресата правильное оформление документа (наличие вислой золотой печати) было важнее содержания. Своим видом они могли напоминать ханские ярлыки. Прямой аналогии в нашем распоряжении нет. Однако крымские ханы традиционно прикрепляли к своим шертным грамотам вислые золотые печати, называвшиеся байсою (пайцзою)³⁷. В ханской грамоте 1508 г. читаем: «да на той бы тебе грамоте шерть дал; да пожаловал бы тебя, ту грамоту и к тебе прислал, да и свою еси грамоту прислал за золотую печатью»³⁸. Но в наших построениях имеется серьезный недостаток. Мы не располагаем достоверными свидетельствами о включенности территории Югры в политическую систему Золотой Орды.

Мы имеем право несколько расширить географию распространения жалованных грамот за золотой печатью. В частности, они могли выдаваться в Мещеру и Пермь. Однако прямых указаний на это в источниках нет.

В 1771 г. И. И. Лепехин зафиксировал предание о существовании в былые годы жалованной грамоты, данной Иваном IV некоему Пери, от которого якобы и пошло именование всего местного народа пермяками³⁹. Это сообщение выглядит путанным и неясным. По-видимому, в нем оказались смешаны сразу несколько событий. Понятно, что если это воспоминание

³² АСЗ. Т. 3. № 479. С. 397–399.

³³ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480.

³⁴ АСЗ. Т. 3. № 479. С. 397–399.

³⁵ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. С. 24.

³⁶ РГАДА. Ф. 214 (Сибирские дела). Оп. 1. Кн. 11. Л. 103–103 об.

³⁷ [Колодзейчик]; РГАДА. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). Оп. 1. Кн. 14. Л. 56; Ф. 123 (Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. 1615 г. Д. 7. Л. 25.

³⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 32.

³⁹ Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1780. С. 195–196.

о грамоте за золотой печатью, то выдана она была не некоему Пери, а вымским и великопермским князьям и произойти это должно было значительно раньше, в эпоху Ивана III [Вершинин]. Однако события завоевания Казанского, Астраханского и Сибирского ханств могли в народной памяти привести к замене образа не менее великого деда на его внука. Но это также могло быть воспоминание о некоем пожаловании за восковой печатью местному племенному лидеру (старосте) более позднего периода. В предании отсутствует какое-либо описание печати. А вот косвенное упоминание о шелковом шнуре имеется. Вместе с грамотой Иван IV якобы пожаловал Пери и шелковые сети (по-видимому, для ловли птиц). Вполне возможно, что их сделали уже на месте из распущенного шнура для подвешивания печати. Но поступить так с грамотой местный родоплеменной лидер (князь) мог едва ли. Поэтому упоминаемая И. И. Лепехиным грамота, похоже, имела более низкий статус, нежели рассматриваемые нами. Это относится и к башкирской грамоте, опубликованной Б. А. Азнабаевым [Азнабаев].

Упоминаемые жалованные грамоты, возможно, были далеко не первым документом в целой череде грамот, носивших отчасти схожие функции. Так, явную связь с жалованными имеют укрепленные грамоты. Структурно формуляры этих документов имеют значимые совпадения. В укрепленных грамотах имеются три обязательных пункта: 1) просьба отпустить вину («вины мне отдал»); 2) не отъезжать от великого князя (царя); 3) сообщать о лихоимцах, замысливших недоброе против великого князя (царя). И. Г. Пономарева считает, что начало подобным грамотам было положено сложной ситуацией середины XV в. (1447 г.), когда потребовалось получение письменных гарантий верности от удельных князей [Пономарева, 2016]. Обратим внимание на то, что в случае с жалованными грамотами, как мы показали, ряд адресатов по своему статусу близки с удельными князьями. Но тогда жалованные грамоты нельзя рассматривать как аналог укрепленных. Таковыми должны были выступать шерти. В развернутых жалованных грамотах текст шертей повторялся практически дословно. И. Г. Пономарева, рассматривая вассальную присягу, предполагает, что изначально она могла не даваться письменно, а представляла собой некое публичное действие. При этом делается попытка восстановить изначальный текст подобной присяги [Пономарева, 2015; Пономарева, 2019]. Возвращаясь к нашей теме, отметим, что на рассматриваемых территориях зачастую устной процедуры было недостаточно. Требовалось некое материальное ее подтверждение. Возможно, данный факт послужил дополнительным стимулом к сочинению текста присяги = жалованной грамоты.

Укажем еще на один момент. Рассматривая государево «слово и дело» как особый вид преступлений, Н. Я. Новомберский сделал наблюдение о том, что «слово и дело», как особая изветная формула «возникло на почве публично-правового обязательства населения оберегать государя и его семью от злых умыслов» [Новомберский, с. 2–3]. В жалованных грамотах и укрепленных грамотах этот пункт приводится в обязательном порядке. Таким образом, это в своем роде один из государственнообразующих факторов, способствовавший возникновению и становлению Московского государства, личный или же коллективный договор подданных с государем.

Остановимся еще на двух моментах из наказов сибирским воеводам. Это вопрос об аманатах и угощении иноземцев, пришедших по своим надобностям в городскую приказную избу. Институт аманатства (заложничества), по-видимому, появился в России достаточно поздно. При этом он был позаимствован в Крыму. Впервые он фиксируется в документах осенью 1586 г. в Астрахани. В результате поражения в борьбе за власть в России оказался крымский царевич Мурад-Гирей, сын хана Мухаммед-Гирея II. Царевич хотел получить в Москве военную помощь для дальнейшей борьбы. Однако в Москве решили использовать знатного иммигранта

для увеличения своего влияния среди мирз Большой и Малой Ногайских Орд. Для этого его в сопровождении значительного военного отряда послали на жительство в Астрахань. Москве удалось создать общее ощущение, что она готова воссоздать в Нижнем Поволжье некий аналог Золотой Орды во главе с Мурад-Гиреем, но под эгидой русского царя. Начался медленный процесс консолидации ногайских мирз вокруг Астрахани. Зафиксированы случаи, когда мирзы даже называли Мурад-Гирея царем. Идея введения института аманатов из ногайских мирз, по-видимому, принадлежала царевичу. И он настойчиво продвигал ее, несмотря на сопротивление со стороны ногаев, утверждавших, что это им не в обычай. Царевич проявил в данном вопросе гибкость и предложил московскому государю держать заложников не в глубине России, а в Астрахани. Аманатство в конечном итоге пустило глубокие корни. В XVII в. в городе имелось несколько аманатских дворов, а общее число одновременно содержащихся в них лиц могло достигать 100 человек [Беляков, 2019б]. В настоящее время данная практика более известна по сибирскому материалу [Березиков]. Но там она явно была позаимствована в Астрахани.

Угощение прибывших в город иноземцев от имени московского государя также впервые фиксируется в Астрахани в связи с появлением в городе царевича Мурад-Гирея. Точнее, упоминаются запасы (300 пудов меда), посланные для этих целей из Москвы. А вот давались столы от имени крымского царевича или же московского государя, неизвестно [Беляков, Виноградов]. Наиболее ярко данный обычай фиксируется в Сибири. Здесь воеводы обязывались поить и кормить иноземцев, прибывших в город для различных надобностей от имени государя⁴⁰. Это делалось для того, чтобы приохотить местное население обращаться со всеми своими нуждами к представителям царской администрации. Сюжет обязательного угощения встречается в башкирских исторических преданиях, повествующих о выдаче царских грамот⁴¹, и в аналогичном пермском известии⁴². Логично предположить, что этот обычай появился гораздо раньше и использовался для презентации образа заботливого московского государя среди иноземцев сразу же после того, как там появлялась великокняжеская администрация.

Объединяя собранные данные, мы можем предпринять попытку реконструкции политик Москвы по привлечению на свою сторону представителей народов, проживавших в контактных зонах. Великие князья (цари) стремились раздвинуть свою власть на новые территории по возможности мирными способами. Для этого требовалось минимализировать свое присутствие на вновь присоединенных территориях. Но при этом оно должно было быть явственным. Новым подданным следовало осознавать, что любое значительное непослушание приведет к жестким ответным санкциям – военным походам. Так, на Югре на протяжении второй половины XV – XVI в. отмечается закономерность в проведении русских карательных акций в этом регионе. Они проходили каждые 15–20 лет. Эти цифры совпадают с продолжительностью поколения. В данном случае поколения местных больших князей, объединяющих множество более мелких князьков. Каждому новому правителю следовало доказать легитимность своих притязаний на власть. Сплотить людей проще всего победоносным набегом на соседние земли. В ответ на подобные действия Москва наказывала ослушников и совершала карательные акции, вновь обеспечивавшие выплаты дани. В местное управление русские власти не вмешивались. Им еще не хватало сил для этого [Беляков, 2020в]. Подобное было возможно только по отношению к слабо контролируемым территориям. Ближе к центру эти схемы не работали. Любое явное неподчинение жестко наказывалось. После карательного похода происходило более активное насаждение в регионах новых порядков, а скомпрометировавшая себя элита отправлялась в далекую ссылку, чаще всего в Новгородский уезд. Мы можем наблюдать это как реакцию

---

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 11. Л. 64, 76, 89, 485 об.

⁴¹ Башкирские исторические предания и легенды. С. 141–142, 177.

⁴² Дневные записки... Лепехина. С. 195–196.

на восстания на территории недавно завоеванного Казанского царства, а также в Астрахани после событий 1569 г. Если же новые подданные не позволяли усомниться в своей лояльности, они длительное время сохраняли привычную систему управления. Новации пусть и медленно, но приходили. Чем ближе к XVII в., тем срок сохранения прежних моделей управления на местах сокращался. В первую очередь, новшества выражались в строительстве городов, размещении в них русских военных гарнизонов и представителей великокняжеской (царской) администрации, писцовом описании вновь присоединенных земель.

Другим проявлением московского влияния становится проникновение в эти регионы русского крестьянина. Миграционные процессы носили, как правило, добровольный, не контролируемый государством характер. Явным исключением из этого правила была Сибирь. Московские власти длительное время стремились сократить расходы по содержанию земель за Уралом путем развития там пашенного земледелия. Но для этих целей зачастую людей ссылали в наказание за те или иные проступки⁴³.

Проникновение православного (крестьянского по преимуществу) населения несло сразу несколько последствий. Происходило возрастание значения пашенного хозяйства. При этом и за счет заимствования сельскохозяйственных технологий местным населением, а также за счет обложения его новым налогом – посопным хлебом. Вслед за крестьянскими колонистами в регионе появляются и представители великокняжеской (царской) администрации. Строятся церкви, а за ними и монастыри.

Московское государство являлось многонациональным образованием. Более того, можно привести примеры, когда в некоторых щекотливых внешнеполитических вопросах великий князь был более склонен доверять своим служилым татарам, нежели православным подданным [Моисеев, 2020а]. Это приучало светские власти прагматично относиться к носителям иных религий. Главное, чтобы они выполняли все взятые на себя обязательства. До второй половины XVII в. царская власть стремилась не вмешиваться в вопросы вероисповедания и регулярно постулировала недопустимость насильственных крещений. Но на местах отдельные священники с опорой на воеводскую власть стремились привести ко Христу все местное население. Это не могло не вызывать роста напряженности на местах. Еще одним из раздражающих факторов могли стать попытки русских помещиков проникнуть в новые регионы. Данная тема практически не поднималась исследователями. Но уже следует говорить о том, что законодательство начала XVII в., запрещавшее проникновение в места компактного проживания иноземцев русских помещиков⁴⁴, на самом деле является только новым изданием более старых норм.

Важным остается вопрос юридического оформления формального или же реального статуса вновь присоединенных территорий. На протяжении XVI в. это делалось посредством выдачи жалованных грамот за золотой печатью. Можем говорить об их предположительном существовании с последней трети XV в. С началом присоединения Сибири в конце XVI в. выдача подобных грамот была приостановлена. Их заменили более привычные жалованные грамоты, скрепленные красновосковой печатью. Вопрос о происхождении подобным образом оформленных грамот (было ли это исключительно ордынское влияние, или же корни этих документов следует искать в русской истории) остается открытым. Но факт их широкого распространения и востребованности на местах является неоспоримым.

Другие элементы взаимоотношений с неправославными народами, наоборот, приходят из посольского обихода. Это угощение иноземцев, пришедших по своим надобностям в город

---

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 306–309.

⁴⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Л., 1986. № 78, 79. С. 85; № 224. С. 165–166.

к государевым воеводам. Впервые этот обычай фиксируется в 1586 г. Однако в башкирских преданиях подобное явление переносится к периоду сразу после казанского взятия. Со временем образ воеводы в них был замещен образом Ивана IV. Возможно, подобное правило существовало уже в XV в. Центральная власть была заинтересована в скорейшей интеграции аборигенных народов. Их нужно было всячески стимулировать обращаться со всеми своими нуждами к представителям Москвы, а не стремиться решать возникающие проблемы в своей среде. Институт аманатства, по-видимому, появился только в конце XVI в. В дальнейшем он получит широкое распространение в Сибири, Астрахани и на Северном Кавказе.

Проведенный нами анализ нельзя назвать всеобъемлющим. Автор и не ставил перед собой такой цели. Важнее было обозначить проблему и наметить основные направления дальнейших исследований для ее успешного решения. Но уже сейчас можно говорить о том, что Московское государство в своих стремлениях к постепенному расширению на восток с самого начала было нацелено на поиск временных компромиссов с новыми своими подданными. Но процесс постепенной унификации оставался делом времени.

Литература

- Азнабаев Б. А. Копия жалованной грамоты Иоанна Васильевича башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 1034–1036.
- Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 233–241.
- Акчурин М. М. Административно-территориальное устройство Мещеры в XV – начале XVII веков (этнополитические аспекты). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 256 с.
- Беляков А. В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2015. № 7. С. 40–45.
- Беляков А. В. Историческая география Мещеры XIV–XVII вв. // Российская история. 2019. № 1. С. 72–85. DOI 10.31857/S086956870004242-7 [Беляков, 2019а]
- Беляков А. В. «Особые» тюрьмы для знатив России XVII века? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 9–17. DOI 10.18384/2310-6794-2019-4-9-17 [Беляков, 2019б]
- Беляков А. В. Архив Рождества Пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря конца XVI – начала XVIII в. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2 (57/58). С. 227–291. [Беляков, 2020а]
- Беляков А. В. Князья Еникеевы и г. Темников в XV–XVII вв. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке. Калуга, 2020. С. 737–758. [Беляков, 2020б]
- Беляков А. В. Югорские князья в системе элит Московского государства XV–XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа Югры. М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 122–134. [Беляков, 2020в]
- Беляков А. В., Акчурин М. М. Князья Шейсуповы (Шайсуповы): модель интеграции в русскую правящую элиту // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2020. № 12. С. 12–26.
- Беляков А. В., Виноградов А. В. Мурад-Гирей – служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 11–59.
- Беляков А. В., Морохин А. В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 168–188.
- Березиков Н. А. Надзор и принуждение: аманатские избы в Сибири XVII в. // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 1. С. 44–46.
- Вершинин Е. В. Еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 285–305.
- Зув А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сенью двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. 444 с.

- Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. 224 с.
- Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2018. Вып. 6. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. 624 с.
- Колодзейчик Д. Попытки восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, Тат ве Тавгач // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.
- Конев А. Ю. Шертприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.
- Маркеллин, игум. Краткое историческое описание Саровской пустыни с начала заведения и до нынешнего 1804 года. М., 1804. 74, [2] с.
- Моисеев М. В. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 84–90.
- Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.
- Моисеев М. В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Минск, 2020. № 13. С. 89–96. [Моисеев, 2020a]
- Моисеев М. В. Царь, воеводы, местный мир и дипломатия: к истории организации посольских миссий в Россию во второй половине XVI – начале XVII века // Земля и Власть в истории России. М., 2020. С. 137–145. [Моисеев, 2020б]
- Новомберский Н. Я. «Слово и Дело» // Известия Томского университета. 1919. Кн. 68. С. 1–170.
- Орленко С. П., Мельник Г. К. Ремесленники придворных мастерских XVII века «у дела государевых печатей» (К юбилею Большой государственной печати 1667 г.) // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2019. Кн. 1. С. 114–125.
- Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. 215 с.
- Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль, 1993. 157 с.
- Пономарева И. Г. Обряд вассальной присяги в Древней Руси // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. Минск, 2015. № 8. С. 63–76.
- Пономарева И. Г. О происхождении московских «укрепленных» грамот // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 64–75.
- Пономарева И. Г. К реконструкции текста древнерусской вассальной присяги // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. С. 69–72.
- Сабитов Ж. М., Акчурин М. М. Генеалогии (Шеджере) и генетические данные по происхождению родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 127–139.
- Слугина В. А., Конев А. Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии. Новосибирск, 2020. С. 183–193.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 255 с.
- Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 231 с.
- Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. 320 с.

References

- Akchurin, M. M. Administrativno-territorial'noe ustroistvo Meshchery v XV – nachale XVII vekov (etnopoliticheskie aspekty) [Administrative-territorial Structure of Meschera in the 15th – Early 17th Centuries (Ethnopolitical Aspects)]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Kazan, 2019. 256 p.
- Akishin, M. O. Shertovanie narodov Sibiri pri prisoedinenii k Rossii [Shert of the People of Siberia under the Accession to Russia]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2013. Vol. 12. Issue 5. Pp. 233–241.
- Aznabaev, B. A. Kopiya zhalovannoi gramoty Ioanna Vasil'evicha bashkiru Uranskoi volosti Avduaku Sanbaevu [A Copy of the Letter of Merit of Ioann Vasilyevich to Bashkir of Uransk Volost Avduak Sanbaev]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2009. Vol. 14. No. 3. Pp. 1034–1036.

- Belyakov, A. V. Abyzy (khafizy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov [Abyz (Hafiz) in Moscovia in the 16th – 17th Centuries]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Kazan, 2015. No. 7. Pp. 40–45.
- Belyakov, A. V. Istoricheskaya geografiya Meshchery XIV–XVII vv. [Historical Geography of Meshchera of the 14th – 17th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 1. Pp. 72–85. DOI 10.31857/S086956870004242-7 [Belyakov, 2019a]
- Belyakov, A. V. “Osobyey” tyur’mey dlya znati v Rossii XVII veka? [“Special” Prisons for Nobility in 17th Century Russia?]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2019. No. 4. Pp. 9–17. DOI 10.18384/2310-6794-2019-4-9-17 [Belyakov, 2019b]
- Belyakov, A. V. Arkhiv Rozhdestva Prechistye Bogoroditsy Purdyshevskogo monastyrya kontsa XVI – nachala XVIII v. [Archive of the Nativity the Most Holy Theotokos of the Purdyshevsky Monastery of the Late 16th – Early 18th Centuries]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2020. No. 1/2 (57/58). Pp. 227–291. [Belyakov, 2020a]
- Belyakov, A. V. Knyaz’ya Enikeevy i g. Temnikov v XV–XVII vv. [Princes Yenikeev and the City of Temnikov in the 15th – 17th Centuries]. In *Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII veke*. Kaluga, 2020. Pp. 737–758. [Belyakov, 2020b]
- Belyakov, A. V. Yugorskie knyaz’ya v sisteme elit Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vv. [Ugra Princes in the Elite System of the Muscovite State of the 15th – 17th Centuries]. In *Ocherki istorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga Yugry*. Moscow; Khanty-Mansiysk, 2020. Pp. 122–134. [Belyakov, 2020v]
- Belyakov, A. V., Akchurin, M. M. Knyaz’ya Sheisupovy (Shaisupovy): model’ integratsii v russkuyu pravyyashchuyu elitu [Princes Sheisupov (Shaisupov): A Model of Integration in the Russian Ruling Elite]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Kazan, 2020. No. 12. Pp. 12–26.
- Belyakov, A. V., Morokhin, A. V. Otnoshenie tsentral’noi vlasti k nasil’stvennym kreshcheniyam na mestakh v pervoi polovine XVII v. [The Attitude of the Central Government to Forced Baptisms on the Ground in the First Half of the 17th Century]. In *Ocherki feodal’noi Rossii*. Moscow; Saint Petersburg, 2015. Issue 18. Pp. 168–188.
- Belyakov, A. V., Vinogradov, A. V. Murad-Girei – sluzhilyi Chingisid v Rossii ili pretendent na krymskii prestol? [Murad-Giray is a Serving Genghisid in Russia or a Pretender to the Crimean Throne?]. In *Tyurkologicheskii sbornik. 2011–2012. Politicheskaya i etnokul’turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv*. Moscow, 2013. Pp. 11–59.
- Berezikov, N. A. Nadzor i prinuzhdenie: amanatskie izby v Sibiri XVII v. [Surveillance and Duress: Prisons in Siberia in the 17th Century]. In *Balandinskie chteniya*. 2015. Vol. 10. No. 1. Pp. 44–46.
- Iskhakov, D. M. Arskie knyaz’ya i nukratskie tatory [Arsk Princes and Nukrat Tatars]. Kazan, 2010. 224 p.
- Katalog pistsovykh knig Russkogo gosudarstva [Catalog of Inventory Books of the Russian State]. Moscow, 2018. Issue 6. Pistsovyye knigi Ryazanskoj i Nizhegorodskoi zemli [Inventory Books of the Ryazan and Nizhny Novgorod Lands]. 624 p.
- Kolodzeichik, D. Popytki vosstanovleniya mongol’skoi traditsii v Krymskom khanstve nachala XVII v.: baissa, Tat ve Tavgach [The Efforts to Reintroduce the Mongol Tradition in the Crimean Khanate of the Beginning of the 17th Century: Baysa, Tat Ve Tavchach]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015. No. 3. Pp. 91–101.
- Konev, A. Yu. Shertoprivodnye zapisi i prisnyagi sibirskikh “inozemtsev” kontsa XVI – XVIII vv. [Taking a Shert Records and Oaths of Siberian “Foreigners” of the Late 16th – 18th Centuries]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2005. No. 6. Pp. 172–177.
- Markellin, Abbot. Kratkoe istoricheskoe opisaniye Sarovskoi pustyni s nachala zavedeniya i do nyneshnego 1804 goda [A Brief Historical Description of the Sarov Monastery from the Beginning of the Institution to the Current 1804]. Moscow, 1804. 74, [2] p.
- Moiseev, M. V. Shertnye gramoty v kontekste russko-nogaiskikh otnoshenii v XVI veke [Charter of Shert in the Context of Russian-Nogai Relations in the 16th Century]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Kazan, 2014. No. 6. Pp. 84–90.
- Moiseev, M. V. Musul’manskaya politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects]. In *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4. No. 1. Pp. 37–54.
- Moiseev, M. V. Sem’ya gontsov Kadyshevyykh: vekhi sluzhebnoi biografii [The Kadyshev Family of Couriers: Milestones of Service Biography]. In *Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy = Studia historica Europae orientalis*. Minsk, 2020. No. 13. Pp. 89–96. [Moiseev, 2020a]

- Moiseev, M. V. Tsar', vovody, mestnyi mir i diplomatiya: k istorii organizatsii posol'skikh missii v Rossiya vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII veka [Tsar, Govenors, Local World and Diplomacy: To the History of the Organization of Embassy Missions in Russia in the Second Half of the 16th – Beginning of the 17th Century]. In *Zemlya i Vlast' v istorii Rossii*. Moscow, 2020. Pp. 137–145. [Moiseev, 2020b]
- Novomberskii, N. Ya. "Slovo i Delo" ["Word and Deed"]. In *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 1919. Book 68. Pp. 1–170.
- Orlenko, S. P., Mel'nik, G. K. Remeslenniki pridvornnykh masterskikh XVII veka "u dela gosudarevykh pechatei" (K yubileyu Bol'shoi gosudarstvennoi pečati 1667 g.) [Artisans of the Court Workshops of the 17th Century "at the Business of the Sovereign's Seals" (For the Anniversary of the Great State Seal of 1667)]. In *Moskovskii Krem' XVII stoletiya. Drevnie svyatyani i istoricheskie pamyatniki*. Moscow, 2019. Book 1. Pp. 114–125.
- Pashkova, T. I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI veka (namestniki i volosteli) [Local Government in the Russian State of the First Half of the 16th Century (Governors and Volostels)]. Moscow, 2000. 215 p.
- Pliguzov, A. I. Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh [The Text-centaur on Siberian Samoyeds]. Moscow; Newtonville, 1993. 157 p.
- Ponomareva, I. G. Obryad vassal'noi prisvyagi v Drevnei Rusi [The Vassal Oath Ceremony in Old Rus]. In *Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy = Studia historica Europae orientalis*. Minsk, 2015. No. 8. Pp. 63–76.
- Ponomareva, I. G. O proiskhozhdenii moskovskikh "ukreplennykh" gramot [On the Origin of the Moscow "Ukreplennye" Charters]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god*. Moscow, 2016. Pp. 64–75.
- Ponomareva, I. G. K rekonstruktsii teksta drevnerusskoi vassal'noi prisvyagi [To Reconstruct the Text of the Old Russian Vassal Oath]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Issue 6. Pp. 69–72.
- Sabitov, Zh. M., Akchurin, M. M. Genealogii (Shedzhere) i geneticheskie dannye po proiskhozhdeniyu rodoplemennoi aristokratii [Genealogy (Shezhir) and Genetic Data by Origin of the Post-Horde Rodoplemenny Aristocracy]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. Kazan, 2014. No. 6. Pp. 127–139.
- Slugina, V. A., Konev, A. Yu. "Zhalovannoe slovo" v nakazakh sibirskim vovodam: K voprosu o proiskhozhdenii i evolyutsii formulyara ["The Zhalovannoe Word" in the Instructions to the Siberian Voivodes: On the Question of the Origin and Evolution of the Form]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii*. Novosibirsk, 2020. Pp. 183–193.
- Trepavlov, V. V. "Belyi tsar": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. ["The White Tsar": The Image of the Monarch and the Idea of Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, 2007. 255 p.
- Trepavlov, V. V. Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh [Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and Kuchumoviches in the Fight for Revenge]. Moscow, 2012. 231 p.
- Trepavlov, V. V. Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv. [Symbols and Rituals in the Ethnic Politics of Russia in the 16th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, 2018. 320 p.
- Vershinin, E. V. Eshche raz o knyaz'yakh Vymskikh i Velikopermskikh [Once Again about the Princes Vymsky and Velikopermsky]. In *Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Ekaterinburg, 2000. (Problemy istorii Rossii. Vyp. 3). Pp. 285–305.
- Zuev, A. S., Ignatkin, P. S., Slugina, V. A. Pod sen'yu dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Shadow of the Double-headed Eagle: Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State in the Late 16th – Early 18th Century]. Novosibirsk, 2017. 444 p.

Andrey V. Belyakov
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORGANIZATION OF MANAGEMENT IN THE MUSCOVITE STATE
OF THE 15TH – EARLY 17TH CENTURIES IN NEWLY ANNEXED TERRITORIES
WITH A PREDOMINANTLY NON-RUSSIAN POPULATION

Since its inception, the Muscovite State was a multinational and multi-confessional entity. But it did not face any heightened tensions caused by ethnic or religious differences. To a large extent, this was achieved through gradual integration of the management system in the newly adjoined territories into the national one, taking into account local specifics. The article discusses the most typical elements of such an integration policy.

Keywords: Muscovite State of the 15th – 17th centuries, a management system, integration, diplomas, Meschera, Tatars, Mordovians, peoples of the Volga Region, Perm, Trans-Urals, North Caucasus